

УДК 81'374+81'373.612

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ КОНЦЕПТОВ

Л.Е. Бессонова (Украина, АРК, Симферополь)

В статье раскрывается концептуальное содержание понятия власть как одного из доминирующих концептов языковой картины мира. Рассматриваются функциональные особенности его лексикографического описания.

Ключевые слова: культурный концепт, языковая картина мира, лексикография.

У статті розкривається концептуальний склад поняття влада як одного з домінуючих концептів мовної картини світу. Розглядаються функціональні особливості його лексикографічного опису.

Ключові слова: культурний концепт, мовна картина світу, лексикографія.

In the article is discussed conceptual maintenance of conception "power" as one of the fundamental concept of linguistic world's picture.

Key words: culture concept, language world picture, lexicography.

Лингвистика последних десятилетий характеризуется возникновением новых научных парадигм, что приводит к поиску эффективных методов исследования. Одним из приоритетных направлений в изучении концептов является его лексикографическое описание. При этом необходимость обсуждения основных положений теории концепта вызвана тем, что практически неисследованным фрагментом коммуникативно-функциональной парадигмы являются модели смысловой реализации концептов.

Основные цели статьи: 1) определение семантического содержания концепта «Власть» как одного из центральных социокультурных концептов, образующих основу институционального дискурса; 2) выделение концептуальных зон поля *власть* как системных языковых образований; 3) построение модели смыслового воплощения феномена *власть* в русской политической коммуникации.

Определив, таким образом, основные цели нашего исследования, прежде сделаем ряд важных замечаний.

Первое. При описании концептуального содержания лексемы *власть* важной остается проблема соотношения языка и власти: во-первых, способы концептуализации *власти* и, во-вторых, возможности реализации понятия *власть* в языке.

Второе. Исходя из социально обусловленного характера концепта *власть* комплексное исследование данного явления не должно ограничиваться лингвистическим описанием: перспективы научного осмысления данного концепта предполагают использование методов социолингвистики и когнитивного анализа.

Концептуальное изучение «языка власти» предполагает на первом этапе установление системных отношений семантической структуры слова-имени концепта. Отметим сразу, что семантическая структура лексемы *власть*, на первый взгляд, не самая интересная – «не блещет семантическим богатством». И не только, вероятно, оттого что лишена ярко выраженных в языке символических значений. Однако, устанавливая семантическое содержание его полисемантической структуры, мы можем построить, как говорят лингвисты, «семантические мосты между значениями», описывая тем самым время и идеи, характерные для исследуемого концепта.

Отсюда становится понятной и ценность диахронического рисунка слова *власть*, который позволяет увидеть первичные понятийные признаки, лежащие в основе концепта. Такие наблюдения над происхождением обозначений власти, например, в индоевропейских языках относятся к одному из наиболее исследованных аспектов семиотической истории политической коммуникации, что подтверждает особую роль описываемого концепта для мысли о человеке и мире. Здесь было бы уместно вспомнить список генетически исходных смыслов *Власти*, составленный Э.Бенвенистом на материале индоевропейских языков: Царь (власть) – прямая линия – справедливость; власть – авторитет – сила – превосходство; власть – чудо – религия; власть – общение – говорение [2:249 –292].

В «Этимологическом словаре русского языка» А.Г. Преображенского отмечается, что лексема *власть* в русском языке выделилась из церковнославянского (изъ владети, отъ власти) и получила др.-рус. вариант *волость* в значении «власть», «право», «государство», «область» [9:88]. «Этимологический словарь русского языка» М. Фасмера [16:327, 344], «Историко-этимологический словарь русского языка» связывают ст.-слав. *volǫtь > volstь* с и.-е. *ual –d (h) (корень *ual- «иметь силу», «быть сильным»), подтверждая семантическую наполненность слова компонентами «осуществлять право собственности в отношении чего-л.», «обладать чем-л.», «управлять», «иметь силу» и в других языках: укр. *влада*, белорус. *улада*, болгар. *власт*, сербохорв. *власт*, чеш. *vlast*, пол. *wladza*, *wlosc*, лат. *valsts*, лит. *valdz'ia*, др. нем. *waltan*, дат., норв. *volde*, лат. *valeo* [18:156-157].

Таким образом, история рождения слова *власть* позволяет зафиксировать время формирования концепта; эволюцию его доминантных признаков определяет лексикографический анализ, проведенный на материале словарей различных временных срезов.

«Словарь древнерусского языка (XI – XIV вв.)» выделяет пять лексико-семантических вариантов: 1. Область, княжество, государство. // Население определ. территории, организ. в виде отряда, войска. 2. Владение, собственность. 3. Власть, господство, владычество. // Могущество, сила. 4. Право, возможность что-л. делать. 5. *Мн.* Лица, облеченные властью [12:444-446]. Нетрудно заметить, что с течением времени семантическая структура слова начинает изменяться: в «Словаре русского языка XI – XVII вв.» мы находим четыре ЛСВ, объединенных интегральными семами «сила», «господство». Семантический компонент «область, территория» сохранил вариант 3. *Область, находящаяся под одной верховной властью*, приближающийся к периферии семантической структуры. Ясно, что в этом случае нужно говорить не о новом значении, а о модификации имеющегося значения как результате одного из активных процессов семантики политического слова. Заметим при этом, что семантический вариант «область, государство», характеризующий территориальный признак данной лексемы *власть*, просуществовал до конца XVIII века, а затем в результате семантического перехода закрепился в структуре самостоятельной языковой единицы «владение» – в прошлом, как уже отмечалось нами, одного из значений слова *власть*. Интересное наблюдение: в языке XVI –XVII вв. в семантике слова впервые появляется значение «власть – возможность поступать по своей *воле*», т.е. возможность реализовать свои желания. Каким образом соотносятся *власть* и *воля*, какие семы активизируются в семантической структуре слова *воля* для создания концептуального образа власти – предмет наших будущих изысканий.

Совершенно очевидно, что *воля* входит в ряд важных культурных понятий и природа этого концепта была описана не только с точки зрения его семантики, но и с позиции культурно-исторических представлений о нем (А.Вежбицка, А.Д. Шмелев, Е.В. Урысон). Семантический компонент *воля* доминирует в трактовке лексемы *власть* в «Словаре Академии Российской (1789): 1. Воля, произвол, свобода делать то, что заблагорассудится. 2. Начальство, право управлять и повелевать другими. 3. Означает также и самого начальника, правителя. [11:748].

«Социальный компонент» *право* становится определяющим при толковании лексемы *власть* в «Словаре русского языка, составленном 2-м отделением императорской Академии наук» (1895): 1. Право, сила или возможность действовать по своей воле или по обязанности. *Это не въ моей власти, отъ меня не зависит.* 2. Сила, могущество. *Подъ властью страстей, – идеи.* 3. То же, что должность. 4. Начальство, лицо, облеченное властью. Последнее значение, относящееся к субъекту, грамматически маркировано – *особенно мною*.

Таким образом, семантические компоненты слова *власть*, выделенные в результате лексикографической интерпретации, позволяют говорить о наличии общей системы концептуальных признаков, которые конструируют данный образ в наивной картине мира: *право, сила, влияние, воля, обязанность*.

Такой цельный образ *власти* талантливо создает В.И. Даль: право, сила и воля, свобода действий и распоряжений; начальствование; управление; // начальство, начальник или начальники, ср.: *Всякому дана власть надъ своимъ добромъ. Законъ определяетъ власть каждаго должностнаго лица, а верховная власть выше закона. Всякая власть Богу ответъ даетъ* [4:213]. Как отмечает В.И. Даль, *властный* – тот, кому дана власть, сила, право и воля распоряжаться; сильный и могучий властью; *властно* – вольно, свободно и по праву.

Общеизвестно, что культурный концепт отличается силой своей ценностной составляющей. Оценка *власти* как объекта является условием формирования концепта в сознании определенного культурно-языкового сообщества. Естественно, «оценивается то, что нужно (физически и духовно) человеку и Человечеству. Оценка представляет Человека как цель, на которую обращен мир» [1:181]. В словарном этюде «Власть» В.И. Даля такими ценностными

парадигмами, которыми живет человек во властных отношениях, являются *право и свобода/воля*.

Толковые словари XX века демонстрируют различную семантическую наполненность слова *власть*. Так, «Толковый словарь русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова (1935) четко выводит определенные взаимоотношения (управление, подчинение, влияние) между людьми в качестве одного из основных значений слова *власть*: 1. *только ед.* Право и возможность подчинять кого-что-н. своей воле, распоряжаться действиями кого-н. *Государственная в. Братъ, взять в. Быть под властью кого-н., во власти кого-н. Иметь в. над кем-то.* 2. Права и полномочия правительства, правительственного лица (*полит.*) *Вся власть Советам!* (лозунг Октябрьской революции). 3. *только ед.* Образ правления, государственный строй (*полит.*). *Советская в.* 4. *перен., только ед.* Могущественное влияние, принудительная сила. *В. тьмы. В. золота.* 5. *чаще мн.* Лица, облеченные властью, начальство. *Местная в. Да он властей не признает!* Грибоед. [15:310]. Иллюстративный материал словарной статьи включает в себя и связанные, фразеологические сочетания, что подчеркивает идею власти в неограниченном социальном пространстве.

Так, категориально-смысловой признак «действие-отношение» концепта *власть*, обозначенный в словаре советской эпохи, прочно входит в лексикографический дискурс и постсоветского времени, представляя собой одну из его языковых реализаций.

Однако при описании имен культурных концептов в современной практике словарных интерпретаций всё заметнее становится процесс семантического сдвига – смещение акцента с социального компонента на личностный. «Словарь современного русского литературного языка» в 20-ти т. дает глубокое понимание лексемы *власть*: 1. Право и возможность повелевать, распоряжаться действиями, поведением кого-л. – *Голова моя в твоей власти, отпустишь меня – спасибо; казнишь – бог тебе судья. Пушкин. Кап. дочка.* 2. Могущественное влияние чего-л.; неодолимая сила чего-л. *Власть денег, золота.* 3. Форма управления страной. *Советская власть.* 4. Право и возможность управления государством. *Законодательная власть. Исполнительная власть.* 5. *Обычно мн.* Органы государственного и местного управления. *Местные власти. Сельская власть.* // О должностных лицах, начальстве, администрации.

На основании описанных лексикографических фактов можно выделить несколько гиперсем внутрисловной парадигмы слова *власть*, которые и составляют сущность «функционально-семантического варьирования» (Э.В. Кузнецова): *право (как возможность или полномочия), сила, влияние, система государственных органов, лица*. Эти гиперсеммы «пронизывают» всю историю слова и отражают социальные и культурные аспекты его когнитивного мира. Являясь концептуальными признаками, они структурируют пространство *власть*, разделяя его на две концептуальные зоны: *власть – влияние, власть – система*.

При точном и полном конструировании образа власти как фрагмента концептуальной модели мира нам представляется важным обращение к научным трудам по политологии, философии и социологии. Отметим, что в большинстве научных определений *власть* трактуется как многоаспектное и универсальное явление, проявляющееся в различных сферах человеческой деятельности, более того, на всех уровнях социальной субъектности: политическая, президентская, экономическая, олигархическая, духовная, избирательная, военная, теневая *власть*, ветви государственной власти – законодательная, исполнительная, судебная *власть*, четвертая *власть* (информационная), пятая *власть*, родительская, семейная *власть*.

Кроме того, данный феномен имеет свои формы: господство, руководство, управление, организация, контроль, а также свои методы: авторитет, право, насилие, убеждение, манипуляция. Все эти системообразующие параметры, выделенные на основе лексикографических описаний, позволяют сделать вывод о реляционном характере власти: *власть – это всегда отношение, взаимосвязь, власть кого-то над кем-то, власть – взаимодействие между теми, у кого она есть, и теми, у кого ее нет*. Эти характеристики и представляют смысловое содержание *власти* в «Большом энциклопедическом словаре» (2002) как «особое отношение между людьми, способность осуществлять свою волю» [3:134]. Заметим при этом, что, по теории М.Фуко, такая способность лежит в основе процесса конфликтующих отношений, пронизывающего силовыми полями весь социум, все общество [17:45].

«Краткий словарь по социологии» (1988) дает следующее определение *власти*: «*Власть – форма социальных отношений, характеризующихся способностью влиять на характер и направление деятельности и поведения людей, социальных групп и классов посредством экономических, идеологических и организационно-правовых механизмов, а также с помощью авторитета, традиций и насилия*» [5:29].

Словарь-справочник «Политология» (2001) предлагает рассматривать *власть* как «один из важнейших видов социального взаимодействия, специфическое отношение по крайней мере

между двумя субъектами, один из которых подчиняется распоряжениям другого, в результате этого подчинения властвующий субъект реализует свою волю и интересы» [7:34].

Таким образом, слово *власть* включает в себя понятие особого волевого отношения, при котором основными структурными элементами являются субъект власти – агент, выступающий причиной изменения действий другого агента (объекта), и объект власти – агент, изменение деятельности которого есть следствие воздействия со стороны субъекта. При отсутствии каузальной связи между ними никакие отношения не могут считаться властными.

Идея субъективизма проявления власти убедительно обоснована в «Современном философском словаре» (2004): это способность и возможность социального субъекта осуществлять свою волю, используя различные ресурсы и технологии (авторитет, силу, традиции, закон, технологии манипулирования сознанием и т.д.)... Сама природа отношений, отношений зависимости, независимости и взаимозависимости между всеми уровнями социальной субъектности, и составляют основу универсализма власти [14:111]. С этой точки зрения власть предстает и как самостоятельное общественное отношение, и как определенное измерение, сквозь призму которого мы можем понимать качество и смысл других социальных отношений.

Исследованные нами научные интерпретации «поля власти» позволили определить и его структуру, которое организуется не только в разных сферах общества, но и на трех уровнях социальной структуры: общественном, публичном и личном. Можно конструировать различные концептуальные типологии понятия *власть* в соответствии с особенностями ее функционирования. Однако цели лингвистической статьи не предполагают подробного описания этих типологических признаков, поэтому ограничимся лишь универсальными характеристиками поля, проясняющими механизмы концептуализации власти.

Следуя традициям лингвистических лексикографических изданий «Словарь современных понятий и терминов» (2002) отмечает две составляющие одного понятия «власть»: 1) возможность и способность оказывать определяющее воздействие на деятельность, поведение людей с помощью каких-л. средств – авторитета, воли, права, насилия; 2) социально-политическое господство, система государственных органов [13:77].

Здесь же уточним, что характер социального отношения власти обуславливает и различные способы ее реализации в коммуникации. По справедливому утверждению Н.Лумана, функция власти состоит как раз именно в том, что власть устанавливает возможные сцепления событий абсолютно независимо от воли подчиненного этой власти человека, основываясь при этом на каузальных связях [6:23, 25]. Эта идея созвучна с представлением власти Р.Бартом: власть существует в форме дискурсивных стратегий, выражая себя через язык «идеологической природы».

Сопоставление словарных описаний приводит к мысли о том, что репрезентации понятия *власть*, соотношенного с ценностным объектом, в обыденном и научном сознании не различаются.

Однако «непосредственная данность жизни», острые социальные изменения или политические потрясения обязательно вносят свои коррективы в концептуальное представление мира. И это объяснимо известным постулатом лингвистического концептуализма: концепт как общее представление об объекте следует рассматривать как ментальное образование с нечеткими границами. Анализируя специфику политического дискурса, Л.Н. Синельникова отмечает: «Слабая верифицируемость контекстом действительной жизни общества объясняет феномен семантической дихотомии: слово пребывает в двух пространствах – в словарной кодификации, ориентированной на этимологическую строгость толкования, и в объяснительных дискурсах так называемой «стихийной лингвистики»... Обострение языковой рефлексии носителей языка, стремление самостоятельно (на уровне обыденного сознания) объяснить значение слова или выражения – своеобразная реакция на замечаемую обществом мимикрию понятий, их «неустойчивую» концептуализацию [10:85].

При достаточно полном анализе современных интерпретаций политической власти несложно отметить два концептуальных подхода: субстанциональный, рассматривающий власть как атрибут, субстанциональное свойство субъекта, и реляционный, описывающий власть как социальное отношение между людьми или группами людей, обществом или его частями, т.е. субъектами, наделенными сознанием, волей, способностью к деятельности.

Власть как объект управления субъектом может быть приобретена, передана, завоевана, утрачена, потеряна. Независимо от содержания или характера события она является целью борьбы или существования в обществе: *иметь, получить, приобрести, передать, захватить, завоевать, перехватить, утратить, лишиться, потерять, отказаться от власти, претендовать на власть, мечтать о власти, добиваться власти, любить власть, жаждать власти, разочаровываться во власти, злоупотреблять властью, передел власти*. В этом

случае власть может быть осмыслена как физический предмет с четкими границами, который может «уместиться в руках и быть перемещаемым в пространстве» (О.Г. Ревзина). Обозначенность в пространстве позволяет определять и местонахождение других субъектов относительно него: *стоять у власти, быть при власти/под властью, идти к власти, двигаться к власти, попасть под власть, вхождение во власть, восхождение к власти, рваться к власти.*

Как и все физические предметы, с одной стороны, этот объект имеет свои пространственные параметры, то есть определяется формой и ее геометрическими характеристиками: *пирамида власти, вертикаль власти, властная вертикаль, треугольник власти.* С другой стороны, этот объект сам определяет открытое пространство, в котором разворачиваются политические события и действия: *властное поле, арена власти, властное пространство, география власти; границы, пределы, горизонты власти; фасад власти.* Власть может быть определена размером и масштабом: *огромная, большая, неограниченная, полнота власти, измерение власти, мера власти.*

Так как реальным воплощением власти являются люди, то и смысловая реализация концепта *власть* связана с действенным характером субъекта: *власть думает, решает, заявляет, борется, берет на себя ответственность, пользуется поддержкой, протестует, боится, преследует, разочаровывает, уклоняется, игнорирует, контролирует и т.д.*

При такой дуальной модели концептуального содержания *власти*, отмеченного словарями как субъектно-объектные отношения, совершенно очевидными оказываются и характеристики власти как субъекта с активным началом: *чистая, прозрачная, грязная, позорная, чужая власть, наша/своя власть – их/другая власть.* В этом еще один взгляд на *власть* с точки зрения оценки говорящего, когда концепт становится объектом рефлексии как в политическом, так и бытийном дискурсах.

Итак, 1) являясь одним из основных социокультурных концептов, концепт «*власть*» структурирует политическую лексику и терминологию от ядра до периферии несколькими гиперсемами; 2) концептуальное поле «*власть*», образуемое концептом как системное полевое образование, весьма чувствительное по своей природе, тонко реагирует на социально-политические события, вбирает в себя новые лексемы и возвращает старые, забытые для заполнения образовавшихся лакун; 3) историческая семантика многозначной структуры слова *власть* позволяет описать его концептуальное содержание.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М., 1995. – 456 с.
2. Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка. – Т.1. – М., 1959. – 717 с.
3. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. и с предисл. Б.А. Ларина. – Т.1. – М., 1964. – 562 с.
4. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2-т. – Т.1. – М., 1999.
5. Словарь древнерусского языка (XI – XIV вв.): В 10 т. / Гл. ред. Р.И. Аванесов. – Т.1. – М., 1988. – 526 с.
6. Словарь Академии Российской. – СПб.: При Императорской Академии Наук. – Ч.1. – отъ А до Г. – 1789. – 1150 с.
7. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. –Т.1. – М., 1989. – 699 с.
8. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М., 1998. – 896 с.
9. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. – Т.1. – М., 1935. – 1562 с.
10. Большой энциклопедический словарь: философия, социология, религия, эзотеризм, политэкономия / Главн. научн. ред. и сост. С.Ю. Солодовников. – Мн, 2002. – 1008 с.
11. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / Пер. с франц. – М., 1996. – 448 с.
12. Краткий словарь по социологии / Под ред. Д.М. Гвишиани, Н.И. Лапина. – М., 1988. – 479 с.
13. Политология: Словарь-справочник / М.А. Василик, М.С. Вершинин. – М., 2001. – 328 с.
14. Современный философский словарь / Под общ. ред. В.Е. Кемерова. – М., 2004, – 864 с.
15. Словарь современных понятий и терминов / Авт.: Н.Т. Бунимович, Г.Г. Жаркова, Т.М. Корнилова и др. Сост. В.А. Макаренко. – М., 2002. – 527 с.
16. Луман Никлас. Власть / Пер. с нем. А.Ю. Антоновского. – М., 2001. – 256 с.
17. Синельникова Л.Н. Подвижность вербальной среды как свойство языка и возможность манипуляции сознанием // Культура народов Причерноморья. – 2003. – №37. – С. 83-87.